

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Владислава Витальевича Бояринова
«Смоленская епархия в духовной жизни Руси в 1136-1514 годах»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

Изучение истории Смоленска и его церковной жизни, безусловно, значимо не только с точки зрения локальных исследований, посвященных тому или иному региону, но и в общероссийском и общецерковном плане, поскольку значение Смоленска как русского пограничья было очень велико. Поэтому нельзя не приветствовать попытку создать комплексное исследование Смоленской епископии в средние века.

Владислав Витальевич Бояринов предпослал своей диссертации обширное введение, в котором основательно описал актуальность, формальные аспекты исследования, историографию и источниковую базу. Все эти разделы написаны убедительно, и только могу сомневаться в необходимости давать описание общей историографии Русской Церкви, не связанной непосредственно с предметом исследования. Хотел бы отметить, как очень хороший, обзор источниковой базы. Положения, выносимые на защиту, с которыми автор знакомится до изучения диссертации в целом, не вызывают возражений, кроме одного тезиса во 2 пункте: «Епископы, будучи пастырями единой Церкви, не могли помыслить свое существование в отрыве от исторически сложившейся общности епархий Руси, центром которой стала Москва» (С. 39). Москва недолго была центром церковной жизни для смоленской кафедры. Период пребывания в Москве свт. Петра, Феоноста и Алексия совпадает с пробелами в истории смоленской епископии, а с 1380-х до 1460 г., когда Смоленск действительно был достаточно активно вовлечен в историю митрополии, сама она находилась в сложном положении между Москвой, Вильно, Константинополем и

(с 1430-х) Римом. После 1460 г. Смоленская епископия никак не демонстрирует «рефлексии» от Московской церковной юрисдикции.

Диссертант начинает свои «штудии» с проблемы христианизации Смоленска, опираясь в основном на историографию (поскольку письменные источники практически отсутствуют) и материальные находки, осторожно дополняя их обзор предположениями общеисторического характера. Рискну дополнить их более смелыми утверждениями, которые могут быть полезны автору. Расположение Смоленска на Днепре в какой-то степени предопределяет раннее появление здесь христианства, распространявшегося во многом благодаря пути из варяг в греки. Согласен с диссертантом в том, что Смядынь как место памяти о первом русском святом – страсотерпце Глебе – не могло не стимулировать развитие церковной жизни в регионе, о чем свидетельствует сравнительно раннее появление на этом месте монастыря – он почти современен первым монастырям Новгорода, отставая от него всего на четверть века (при этом нужно учитывать масштаб и значение Волховской столицы). При этом Владислав Витальевич также прав, утверждая, что «укоренение христианской веры происходит параллельно с политическим и экономическим развитием Смоленской земли» (С. 47).

Логика автора в описании появления Смоленской епископии также убедительна. Он не стал углубляться в повторение старых или создание новых конструкций на основе *Notitiae episcopatuum*, подобно А. В. Назаренко или А. В. Поппэ (это едва ли продуктивно), а основывается на исторической логике. Говоря о скопчестве первого епископа Мануила, диссертант посчитал это нетипичным для Руси, приведя в пример еп. Федора Волынского, но можно вспомнить про более красноречивый пример свт. Ефрема Переяславского. Скопцом был и митр. Иоанн, приведенный из Константинополя Янкой Всеволодовной. Четыре прецедента – уже система, тем более что термин «скопец» может иметь и значение «евнух» как

придворный чин¹. На будущее диссертант может отложить для себя задачи сравнения грамоты еп. Мануила о своем поставлении с аналогичным текстом митр. Илариона, а также сравнение иконографии Знамения на печати архиерея с аналогичными, прежде всего – новгородскими. Фразу о сохранении «традиции богослужения по византийскому обряду» (С. 58) нужно отнести к разряду курьезных – богослужебный строй русской церкви в принципе был византийским. В целом же описание тандема Мануил – Ростислав заслуживает всяческого одобрения.

Диссертант подробно описал историю митр. Климента Смолятича и непризнание его рядом архиереев, в том числе Мануилом. Владислав Витальевич верит в связь митрополита со Смоленском, однако отметил это в сноске (С. 58) и не применил в тексте: конфликт Мануила с ним может быть связан не только с греческим происхождением епископа и территориальной близостью к Новгороду и Полоцку, но тем, что они были соперниками в церковной среде. Если митрополит писал послание смоленскому пресвитеру, то это могло рассматриваться как вторжение в дела архиерея другой кафедры.

Сюжет о преп. Авраамии Смоленском и архиереях его эпохи в диссертации рассмотрен с соблюдением предосторожностей от обвинений в излишней гипотетичности, однако диссертант предложил немного «удревнить» жизнь преподобного и в качестве одной из опор применил данные его жития. Вопреки обычной роли оппонента как «прокурора» выступлю с защитой данного положения в диссертации от возможных упреков. В последнее время участились попытки обосновывать изменения датировок жизни святых (в основном монахов) именно агиографическими данными², и нельзя не признать определенной успешности этих попыток.

---

¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 11 (свѣне – стягъ) / Гл. ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2016. С. 211–212.

² Пономарев Д., *свящ.* Житие преподобного Антония Дымского и история созданного им монастыря. СПб.: Изд-во Тимофея Маркова, 2015; Пономарев Д., *свящ.* Основание, становление и развитие Тихвинского Антониево-Дымского мужского монастыря. Опыт изучения малого монастыря Русского Севера. СПб.: Изд-во Тимофея Маркова, 2022.

Таким образом, диссертант использует актуальный в науке инструментарий и приходит к соответствующим выводам. Упоминаю об этом еще и потому, что сюжеты новгородской церковной истории второй половины XII – первой половины XIII в., активно подвергающиеся ревизии, тесно переплетены с сюжетами из истории Смоленска (а также Полоцка, Торопца и других земель северо-запада), и решать их нужно в комплексе – это задача завтрашнего дня.

Реконструкция порядка епископов этой эпохи сделана убедительно, тем более что параллельно в историографии уже делались подобные выводы³. Хорошо бы, если бы диссертант прокомментировал реконструированные списки архиереев смоленской епископии, сделанные исследователями из ПСТГУ⁴. Очевидно, что там очень много ошибок и нелепостей, но некоторые из наблюдений явно нуждаются в проверке.

Мне понравилось сравнение преп. Авраамия с преп. Феодосием по принципу их противопоставления. Возникает только вопрос: почему среди наиболее читаемых авторов в житии упомянут преп. Феодосий? Только ли ради противопоставления? Преп. Феодосий был одним из немногих пишущих преподобных. Ко времени преп. Авраамия к числу произведений преп. Феодосия были сопричтены и послания о вере латинской и о посте в среду и в пяток, первое из которых – ригористичное, а второе – «либеральное». Или он мог выступать с противоположных позиций? Здесь можно выстроить разные логичные цепочки, интересно мнение Владислава Витальевича.

Зарисовки, относящиеся ко второй половине XIV в., к сожалению, лишь формально привязаны к историческому контексту, а не вовлечены в него полноценно. Описание ученика преп. Сергия Радонежского – Симона – можно было бы связать с исихастским движением (вслед за Г. П. Федотовым

---

³ Карпов А. Ю. Русская Церковь X–XIII вв. Биографический словарь. М.: Квадрига, 2016. С. 145–146, 250.

⁴ История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года. М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2006. С. 454–457.

и Г. М. Прохоровым), тем более что он, согласно житию Сергия, был свидетелем огня на литургии. Деятельность еп. Даниила показана пунктирно, хотя события 1370-1380-х г. были полны противоречия и страстей, в которых, как видно из событийного ряда, Даниил принимал далеко не пассивное участие. Эти события и персоналии явно должны осмысляться и в контексте попыток вовлечения Смоленска в сферу влияния, а то и непосредственного контроля Великого княжества Литовского – эта тема (до 1395 г.) обозначена в диссертации, однако полноценного развития не получила.

Вторая глава логично вытекает из концовки первой и посвящена смоленским архиереям, когда город принадлежал Великому княжеству Литовскому. Диссертант грамотно охарактеризовал проблему участия / неучастия смоленского епископа в поставлении в митрополиты Григория Цамблака. В этом параграфе есть только один досадный момент – невнятность формулировки: «Зимой 1421 г. после примирения с князем Витовтом митрополит Фотий лично соборовал в Смоленске при наместнике князе Семене Ивановиче Гольшанском» (С. 97)) – кого он соборовал, непонятно. Если описание деятельности еп. Мисаила автору безусловно удалось, то непонятной остается причина довольно длительного вдовства кафедры после гибели митр. Герасима. Можно было бы списать это на нехватку сведений, но бурные события как в гражданской истории, так и в церковной заставляют видеть корень событий именно в них. Митр. Исидор не захотел или не смог рукоположить преемника Герасиму – с Ферраро-Флорентийского собора Исидор ехал через Смоленск, где, возможно, задержался, добиваясь выдачи ему Симеона Суздальского⁵. Тем не менее, епископ в Смоленск поставлен не только после возведения в митрополиты Ионы, но и после падения Константинополя (если дата 1454 верна), а также нельзя не связать это поставление с возвращением Смоленской Одигитрии, которое подробно описано в диссертации.

---

⁵ Гаврилов М. Н. Ферраро-Флорентийский собор и Русь. New York, 1955. С. 7–8.

Интересную проблему представляет собой переход еп. Мисаила под управление киевского митрополита из-под омофора Ионы. Вроде бы здесь играет роль политика, как и отмечено в диссертации. Однако определенную роль играло и каноническое право: согласно 17 правилу IV Вселенского собора, «распределение церковных приходов да последует гражданскому и земскому порядку», что предполагало, по сути, формулирование принципа «чья земля, того и вера» в случае распада империи (само правило исходило именно из имперских постановлений о изменении внутренних границ, хотя работало и в связи с изменением границ внешних). Поскольку к 1460 г. 30-летний срок перехода Смоленска в состав Великого княжества Литовского уже давно прошел, то и пересмотр перехода смоленского епископа по воле литовского князя под омофор митрополита был уже невозможен. Кроме того, после 1458/1462 г. московские митрополиты стали рассматриваться греческими патриархатам как незаконные, поэтому подчинение смоленского епископа, как это и было ранее, киевской митрополии Константинопольского патриархата должно было выглядеть как возврат к каноническому устройству, которое было искажено в 1448 г. Кроме того, наличие трех смоленских епископов, одновременно занимавших митрополию – Герасима, Мисаила и Иосифа – феномен, который требует дальнейших исследований.

В рамках дискуссии позволю себе замечание концептуального плана в связи с изысканиями диссертанта, как приведенными в 1 главе, так и, отдельно, в §1 3-й главы – применение термина «епархия» неверно применительно к столь ранней истории. П. И. Гайденко подробно исследовал этот вопрос и показал, что церковная структура в русском средневековье была градоцентричной, почему и естественно в источниках видеть термин «епископия», а границы епископий были размыты⁶. Такое положение можно видеть вплоть до конца XVI в., хотя уже со второй половины XV в. можно

---

⁶ Гайденко П. И. «Епархия» или «епископия»? К вопросу о епископском управлении на Руси // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 1 (21). С. 5–19; Костромин К. А., прот. Размышления над номером (Палеороссия 2023, № 1) // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 1 (21). С. 99–100.

наблюдать попытки обозначить некоторые границы епископий или возражать против перехода монастырей из подчинения одного епископа к другому. Поэтому не могу согласиться с попытками «нащупать» границы «епархии» в рассматриваемые временные рамки. Если же на определяемых территориях были крупные церковные структуры (например, монастыри), то вопрос принадлежности их к епископии и личного подчинения тому или иному архиерею необходимо решать не системно, а индивидуально, причем на каждом промежутке времени заново. Поэтому хотел бы предостеречь диссертанта от использования термина «канонические границы» не просто как спорного, но просто – неверного.

Очень основательно выглядит пункт, посвященный финансированию епископии, особенно – анализу грамоты о десятине. Автор знает о сомнениях в современной науке о существовании земельной собственности в домонгольский период, однако приводит сведения о якобы имевших место дарениях. При этом следующие факты такого приобретения относятся только к концу XIV и концу XV в. и такие временные пробелы нужно как-то объяснять. Непонятно также, в какой период времени грамоты о десятине перестали работать. Параграф, посвященный суду, носит обзорный характер.

Ценным считаю описание почитания Смоленской Одигитрии, данное в 4-й главе. Необъясненным осталась также временная лакуна между гипотетическим появлением иконы в XI в. (и парой небольших дополнений, относящихся к XII в.) и собранными свидетельствами почитания ее, начиная с XV в.

Общие соображения о святости и ее фиксации («канонизации») носят вспомогательный характер, приведенные факты дополняют уже отмеченные в предыдущих главах проблемы и сюжеты. Избранный подход к материалу – через типы святости – нахожу неудачным, поскольку он в известной мере искусственный, а возвращение через него к хронологическому повествованию выглядит в некоторой степени «ломкой логики». Интересно

было бы проследить динамику почитания тех или иных святых и типов святости в течение рассматриваемого периода.

Обращу внимание диссертанта на сравнительно новый взгляд в исторической науке на феномен «прославления»/ «канонизации», в рамках которого второй термин считается неточным и актуальным для синодальной эпохи. Пожалуй, впервые на это обратил внимание А. Е. Мусин⁷, а развивали – в том числе П. И. Гайденко и Ваш покорный слуга. Едва ли можно нащупать даты «канонизации» святых до Макарьевских соборов, кроме нескольких случаев княжеских или митрополичьих распоряжений, попавших на страницы летописей. Чаще (да и в зафиксированных случаях – тоже) историки имеют дело с процессом постепенного прославления.

В какой-то степени дополнением, но логичным и содержательно богатым, выглядит и последняя глава, в которые собраны проявления культуры и накопления церковно-культурного наследия Смоленщины.

Одной темы мне в диссертации не хватило. Смоленск слишком очевидно и долго был территорией фронта между православным и латинским миром. Появление здесь «русского римлянина» Меркурия, вернее, осмысление его в качестве «русского римлянина» – симптоматично⁸. Как переживался разлом церкви в Смоленске, особенно по мере накопления конфликтной составляющей – в XV в.? Понятно, что многое в этой проблеме – дело будущих исследований, однако сама по себе она представляется очень важной.

Общее впечатление от диссертации таково. Автор охватил очень большой материал не только с хронологической, но прежде всего с

---

⁷ Мусин А. Е. «Новые чудотворцы» и проблема авторитета в культуре XVI века // Русское искусство позднего средневековья XVI век. Тезисы докладов международной конференции (Москва, 12-14 января 2000 г.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 21–25; Мусин А. Е. Соборы св. митрополита Макария 1547–1549 гг.: Факт истории или факт историографии? // Сообщения Ростовского музея. Вып. 13. Ростов, 2013. С. 74–86.

⁸ Костромин К., прот. Антилатинская полемика в древнерусском богослужении // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. Вып. 1 (9). С. 298–320; Его же. Русские святые и борьба с латинством в XV–XVI веках: Византия или Балтика? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2023. №1 (33). Январь–Июнь. С. 17–27.

фактологической и сюжетной точки зрения, а также отметил основные имеющиеся проблемные точки и сделал свои заключения по ним. В целом история церковной жизни Смоленщины в средние века получила под его пером законченный вид, хотя местами требуется лучшее вписывание ее в исторический контекст. Насколько можно судить по тексту, диссертант использовал практически исчерпывающе имеющуюся историографию и источники, что делает ему честь. В своих выводах диссертант осторожен и старается максимально их фундировать, отчего диссертация выглядит очень основательно. Диссертационное исследование написано прекрасным языком. Цель и задачи выполнены. Автореферат адекватно отражает содержание диссертации. Замечания, высказанные в отзыве, носят характер пожеланий по улучшению и без того достойного научного труда. Без сомнения, представленное исследование обладает научной новизной и оригинальностью, при некоторой доработке и дополнении оно может быть издано в виде монографии.

Диссертация Владислава Витальевича Бояринова «Смоленская епархия в духовной жизни Руси в 1136–1514 годах» является завершенным самостоятельным научным исследованием и вносит значительный вклад в изучение церковной истории русского средневековья по материалам истории Смоленска. Структура работы логична, научно-справочный аппарат соответствует требованиям. Диссертация выполнена на высоком научном уровне, основные выводы автора убедительны и не вызывают возражений.

Все вышесказанное позволяет заключить, что автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию. Диссертация В. В. Бояринова отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1. Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете

имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Бояринов Владислав Витальевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук, кандидат богословия,
проректор по научно-богословской работе,
профессор кафедры церковной истории
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

Константин Александрович Костромин

06.03.2025

Контактные данные: тел.: +7 (812) 717-33-51, e-mail: kancilaria@yandex.ru
Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы: 191167, Россия, Санкт-Петербург, набережная Обводного Канала, 17

Тел.: +7 (812) 717-33-51, e-mail: kancilaria@yandex.ru

Подпись руки

К. А. Костромин

Зав. канцелярией О. И. Пономарева

Заверяю.

06.03.2025

дата

подпись

